

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

UDC 94
LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 04.05.2021
Accepted: 01.10.2021

FINANCIAL POLICY OF TIBERIUS CONSTANTINUS THE AUGUSTUS

Vadim V. Serov

Barnaul Orthodox Seminary, Barnaul, Russian Federation

Abstract. Introduction. The historical sources did not give the detail description of all the policies of the Byzantine government in the rule of Tiberius Constantinus the August (578–582). Modern historiography usually follows their data without attracting of opportunities, which could be offered by the interdisciplinary methods. As a result, the full-length picture of the reign of Tiberius II has not been made yet. This statement is correct regarding different sectors of the emperor's policies and his financial policy as well. **Methods.** Special method of study for such object was approved in earlier author's publications. It bases on definition of a financial policy in the modern economics and, as consequence, on the use of data which are not mentioned by literary tradition and not noticed by the traditional historiography. As a result, the studying subject gets prodigious volume and versatility. **Analysis and results.** The analysis of the Tiberius II's multi-aspect activity through prism of the imperial finance has allowed to see the results of his financial policy in those state life spheres that were not connected with the public finances immediately. In this connection the axiomatic facts and then events have received revaluation; some comparison of expenses and empire incomes was spent; the conclusion on quality of emperor's political management was drawn. Besides, existence in head of this August of an original conception of the financial policy was ascertained. Its feature was the provision of payments balance in the sphere of foreign policy in every way. This emperor showed his organizing ability through the innovation in redistribution of resources between different state departments. Regular and extraordinary imperial budgets lost former precise frames of their functional activity. But moreover, Tiberius II has not gone into extremes of the private-owner attitude to the state finances. The moderation and rationalism of his financial policy did allow to avoid the full devastation of treasury in the period of his individual reign.

Key words: Tiberius Constantinus as the Augustus, written sources, problem of research methods, extraordinary expenses, additional income, evaluation of imperial financial policies.

Citation. Serov V.V. Financial Policy of Tiberius Constantinus the Augustus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 136-151. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

УДК 94
ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 04.05.2021
Дата принятия статьи: 01.10.2021

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА ТИБЕРИЯ КОНСТАНТИНА

Вадим Валентинович Серов

Барнаулская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Данные источников о правлении августа Тиберия Константина (578–582 гг.) фрагментарны и противоречивы в деталях, а традиция их использования в исторических реконструкциях опирается на метод прямого пересказа, в связи с чем всеобъемлющая подробная картина этого периода византийской истории

еще не написана. Специальные исследования касались его отдельных сюжетов, и многие существенные проблемы эпохи Тиберия Константина до сих пор не сформулированы. Это утверждение относится и к проблеме финансовой политики императора. Для ее изучения в статье применяется ранее апробированный автором метод, который основывается на понимании феномена финансовой политики современной экономической наукой и, как следствие, на привлечении в исследование данных, которые не замечает традиционная историография. В результате такого подхода предмет изучения приобретает разнообразные черты, не упомянутые литературной традицией. Анализ деятельности Тиберия Константина сквозь призму имперских финансов позволил увидеть результаты его финансовой политики в тех сферах государственной жизни, которые связаны с финансами опосредованно и обычно не привлекаются для характеристики публичной финансовой сферы. Получили переоценку хрестоматийные факты, проведено сравнение расходов и доходов империи, сделан вывод о качестве императорского управления вообще и финансовой сферой в частности. Констатируется наличие у него оригинальной концепции финансовой политики. Особенностью таковой являлась сосредоточенность на внешней политике. Управленческие таланты августа проявились в новаторстве в системе перераспределения ресурсов разных ведомств. Регулярный и экстраординарный «бюджеты» утратили четкую направленность. При этом Тиберий II не впал в крайность частнопроводного отношения к финансам. Умеренность и рационализм финансовой политики августа Тиберия Константина позволили ему избежать опустошения казны, которое ему иногда приписывают.

Ключевые слова: Август Тиберий Константин, нарративные источники, проблема методики исследования, экстраординарные государственные расходы, дополнительные доходы, итоги императорской финансовой политики.

Цитирование. Серов В. В. Финансовая политика Августа Тиберия Константина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 136–151. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

Введение. Современные сведения о жизни и политической деятельности императора Тиберия Константина черпаются из нескольких источников, достаточно обширных, но весьма тенденциозных и освещающих лишь немногие стороны исторического процесса, притом зачастую противоречиво. В целом данные письменных памятников не позволяют сами по себе воссоздать целостную и детальную картину финансовой жизни общества и государства в период единоличного правления Тиберия II¹. Вспомогательные источники (археология, нумизматика, сигиллография, эпиграфика) также дают отрывочные сведения, не способные закрыть информационные лакуны на изучаемом поле.

Такая ситуация с историческими источниками сохраняется на протяжении столетий изучения истории Византии. Обзорные и обобщающие труды историков XVIII–XX вв. традиционно реконструировали время правления Тиберия Константина близко к тексту основных источников, благодаря чему «белые пятна» истории, сформированные ими, сохраняются до настоящего времени. Новейшая историография не выходит за рамки тематики, заданной в источниках. В конкретно-исторических исследованиях последнего столетия рассмат-

ривались проблемы внешней политики Византии при Тиберии Константине (например: [32; 21; 31, р. 394–528, 894–921]), его религиозная политика (например: [30; 37]), а также межличностные отношения в окружении Тиберия, прежде всего, – взаимоотношения императора и августы Софии (см., например: [16; 20, р. 50–57; 9]). Изученность таких не явно обозначенных в источниках тем, как имперские финансы в правление Тиберия Константина, а также его финансовая политика, остается на уровне вековой давности. Проблематика современных исследований в этом направлении так же не выступает за рамки данных нарративных источников, в связи с чем количество соответствующих публикаций незначительно, а круг затрагиваемых в них вопросов узок, как и сами эти вопросы. Историографическая традиция, с одной стороны, опирается на скудные сведения о военных расходах Тиберия II, его пожертвованиях нуждающимся и о налоговых послаблениях податному населению, а также о неких полумифических чрезвычайных поступлениях в казну – с другой стороны.

При этом в историографии эпохи Тиберия Константина имеется несколько работ, в которых более или менее предметно, а главное –

аналитически рассматривается материал, непосредственно соприкасающийся с финансовой сферой императорской политики. Таковой включает в себя знаменитую новеллу 163 (например: [36, р. 28–29; 13, с. 269–271; 8]), а также реорганизацию управления фискальными имуществами [25; 19; 28, р. 168]. Таким образом, следует констатировать отсутствие в византийской всеобъемлющей реконструкции финансовой политики Тиберия II, что придает данной теме актуальность, одновременно заставляя задуматься о разработке эффективных методов интерпретации столь малочисленных источников данных о ней.

Методы. Получить детальную картину интересующего нас явления можно следующим образом. Данные всех известных исторических источников исследуются комплексно по схеме, содержащейся в понятии «финансовая политика», которое предложено современной унифицированной экономической теорией. Данный метод прошел апробацию на материале периодов правления нескольких императоров ранней Византии. Он предполагает отказ от принятого в историографии подхода с его неотступным следованием за нарративным источником.

В историографии финансовой деятельности императора Тиберия Константина присутствуют два противоположных методологических подхода. Один, более ранний, опирается на традицию, в которой Тиберий Константин как распорядитель имперских финансов представлен преимущественно позитивно². Второй подход, разработанный в пору господства в исторической науке критического ревизионизма, применялся крайне редко, так как опровергает укоренившееся стереотипное представление о рациональном и человеколюбивом правителе [15, р. 81]³. Несмотря на отсутствие среди исследователей принципиальных последователей критического метода интерпретации источниковых данных, сама возможность его применения спровоцировала в историографии постепенный отказ от безусловно положительной оценки финансовой политики Тиберия II, так что с начала XX столетия историография рассматриваемой темы развивается по описанному выше сценарию, основной характеристикой которого являются альтернативные оценки

известных экономических событий, а также привлечение дополнительных данных для анализа финансовой политики императора, что предполагает выявление и сравнение всех известных или гипотетически возможных статей экстраординарных расходов и доходов при учете такого корректирующего фактора, как личность субъекта финансовой политики, в данном случае – августа Тиберия.

В специальной литературе перечисляются следующие расходные финансовые мероприятия, приписываемые источниками Тиберию Константину: выдачи донатива воинам и представителям некоторых профессий; уменьшение нормы налоговых сборов по всей стране на четверть на период 575–579 гг.; отмена пошлин на ряд товаров, ввозимых в Константинополь; возврат держателям продуктовых тессер платы за право пользования ими; отмена так называемого суффрагия; затраты на торжества по случаю консульства Тиберия; наконец, расходы на подготовку войны с Ираном, выразившиеся главным образом в комплектовании отрядов наемников-варваров и поиске новых стратегических союзников. О величине всех этих затрат в сравнении с объемом располагаемых финансовых ресурсов императорского правительства речи не идет, как не уточняется и хронологическая последовательность названных мероприятий⁴. В довершение всего общая картина явления осложняется смешением исторически различных периодов – кесарства Тиберия и времени его правления в ранге августа. Между тем их следует жестко ограничивать друг от друга на том основании, что Тиберий в качестве кесаря не имел возможности распоряжаться финансами полностью.

О мерах правительства по извлечению дохода в правление августа Тиберия II сведений весьма немного. Некоторые из древних авторов сообщают лишь о случаях чудесного обретения благочестивым императором спрятанных некогда драгоценностей. Среди современных авторов преобладает представление о нежелании Тиберия нивелировать свою чрезмерную щедрость поиском релевантных доходов. И литературные исторические источники, и исследователи-византисты решительно отказывают Тиберию II в рациональном отношении к государственным фи-

нансам. Возможно, он обладал разумным обоснованием и реальными возможностями для осуществления известных затрат. Чтобы это выяснить, необходимо проанализировать в комплексе источники данные об экстраординарных расходах и доходах Тиберия Константина как Августа⁵, а также расширить и уточнить его характеристику как политика.

Анализ. Несмотря на наличие нескольких разнородных источников, которые повествуют о финансовой политике Тиберия Константина, их сведения в целом однообразны и затрагивают преимущественно военную сферу или вообще сферу международных отношений. Данные о невоенных затратах или мерах так называемой экономии августа Тиберия встречаются у единственного литературного источника, близкого по времени создания к периоду правления Тиберия Константина, – «Церковной истории» Иоанна Эфесского⁶. Из дошедшего до нас рассказа Иоанна Эфесского следует, что все известные дополнительные «гражданские» расходы Тиберия II были сделаны им вскоре после смерти Юстина II [35, III.11]⁷, продолжались не более года [35, III.11]⁸ и адресовались (за исключением походной армии префектуры Восток, получившей донатив ввиду предстоящего похода на Иран) исключительно обитателям Константинополя⁹, так или иначе связанным с придворной жизнью [35, III.14]¹⁰. В целом все названные виды расходов вполне традиционны для всходящего на трон императора, и потому они могли показаться современникам курьезными только по причине необычно большой своей величины в сравнении с аналогичными примерами из прошлого. Поверить эмоциональным оценкам единственного свидетеля описываемых событий – неравнодушного к Тиберию Иоанна Эфесского [3, с. 347]¹¹ – допустимо, но лишь после проверки достоверности его уникальных свидетельств.

Сравнивая таковые с имеющимися в нашем распоряжении данными о финансовом сопровождении интронизаций нескольких предшественников Тиберия II, можно прийти к определенным выводам о размерах традиционных денежных раздач, которые наверняка были известны и в последней четверти VI века. Так, Анастасий I и Юстин I в момент

провозглашения их на ипподроме торжественно обещали выдать «каждому по пять золотых монет и одному фунту серебра» [17, р. 417 f.]. Сколько в итоге императорская казна издержала в том и другом случаях, остается доподлинно неизвестно, однако порядок приведенных в источнике числительных (а фунт серебра равнялся по цене приблизительно пяти солидам) отчетливо характеризует первое самостоятельное финансовое мероприятие августа Тиберия как более затратное в сравнении с традицией, но не выдающееся. Иоанн Эфесский говорит о сумме в 7 200 фунтов золота, истраченных «на эти цели, не считая серебра и... других вещей» [35, III.14]. Подсчет таких же по форме расходов при интронизации Анастасия I, Юстина I, а также Юстина II показывает [10, с. 138–140], что у двух первых они были, вероятно, в полтора-два раза меньшими, чем у Тиберия II, а у Юстина Младшего, который перенес полагающуюся при интронизации раздачу денег и ценных предметов на 1 января следующего года, тем самым объединив торжества в связи с провозглашением его августом и назначением самого себя консулом, – столь же крупными или даже большими [10, с. 521–527]. При этом Тиберий Константин нарушил позднеантичную традицию проявлять щедрость по отношению к трем так называемым конституционным силам империи – сенату, армии и народу, так как сенаторы при получении денег и ценностей источником не упоминаются, а о гвардейских подразделениях, которые в процедуре интронизации символизировали армию, в случае Тиберия имеется лишь слабый намек [35, III.11]¹².

Таким образом, в сообщении Иоанна Эфесского о затратах Тиберия II по случаю обретения им единоличной императорской власти не наблюдается явного искажения фактов, и на него можно вполне полагаться при производстве некоторых выводов. Главный из них состоит в том, что август Тиберий, не порывая с традицией проведения соответствующих финансовых мероприятий, действовал в значительной степени на основании личных предпочтений и представлений о необходимом. Так, при раздаче «милостей» он сосредоточился на придворных невысокого звания, а также на тех, кто так или иначе обслуживали

двор и зажиточную часть населения Константинополя, рассчитывая, что именно эти социальные группы будут лучшей и более широкой опорой его власти, нежели сенаторы, гвардейские схолы и старшины димов. Подобная демонстрация разумного подхода к финансовой политике примечательна и вполне характеристична. Дальнейшее рассмотрение материала уточняет данный тезис.

Тиберий Константин позволил себе сравнительно высокие расходы в связи с интронизацией, полагаясь на наличные финансовые запасы [35, III.11]¹³. После Юстина II в существовавших тогда публичных финансовых фондах остался некий неизрасходованный совокупный ресурс, точная величина которого неизвестна¹⁴. Можно надеяться на то, что Тиберий не ставил себе задачи опустошить доставшиеся ему казенные запасы, только чтобы досадить вдовствующей императрице Софии, которая некогда запрещала ему – тогда кесарю – пользоваться этими накоплениями свободно. Израсходовав большую часть финансового резерва в течение первого года своего правления, Тиберий II, по-видимому, отказался от практики форсированных экстраординарных расходов [35, III.11]¹⁵. В этом случае в государственной сокровищнице должна была остаться некоторая сумма денег «про запас», что также свидетельствует о рациональности нового василевса, умевшего провести грань между желаемым и необходимым. Имелся ли этот «остаток» в действительности, и каковы были его размеры, – показывает финансовая политика Тиберия Константина после 579 года.

Перечень дополнительных публичных расходов в 580–582 гг. невелик. Он сопровождается преимущественно внешнеполитическую деятельность правительства, тогда как затраты на внутренние цели лишь предполагаются. Из последних следует выделить материальное обеспечение василиссы Софии. Вполне нормальные в ранней Византии казенные траты на членов императорского семейства, имевших притом частное имущество и долю в фискальных доходах, в данном случае оказались завышенными из-за особенного значения царицы Софии в жизни Тиберия Константина. Вплоть до момента, когда он узнал о ее заговоре против него, она, вероятно, пользо-

валась неограниченным финансовым кредитом для удовлетворения личных амбиций и потребительских пожеланий. Заговор, инициированный Софией, положил этому кредиту конец, и расходы на двор императрицы-матери уменьшились до размера обычных. Полной картины быта Софии еще не написано, и в отсутствие подробностей возможно только догадываться об объеме ее амбициозного потребления. В распоряжении исследователей имеется пара источниковых свидетельств уровня материальных претензий этой женщины. Одно из них, помеченное автором, Иоанном Эфесским, как не доказанное, но вполне достоверное [35, III.10]¹⁶, показывает царицу Софию в неприглядной роли мелочной обывательницы, которая в связи со смертью мужа опасалась лишиться привычных средств существования. Источник допускает, что приватизированного царицей государственного золота могло быть несколько кентинариев, и данный сюжет, предшествующий рассказу о суммах, истраченных августом Тиберием в связи с интронизацией, словно предлагает сопоставить то, что было украдено Софией, с тем, что было передано воинам восточной армии в виде донатива, который составил восемь кентинариев.

Второй сюжет характеризует готовность Тиберия II отпускать дополнительные средства на императрицу Софию до ее пресловутого заговора и несмотря на кражу ею казенных денег. В сообщениях источников говорится о месте жительства вдовой царицы. Тиберий сохранил за ней во дворце покои, которые предназначались супруге правящего императора [35, III.7], и дополнительно оплатил строительство для нее дворца, получившего ее же имя [33, AM 6072].

Таким образом, в финансовой политике августа Тиберия фактор «василиссы Софии» занимал заметное место, увеличивая дополнительные расходы государства в продолжение первых двух лет его единоличного правления. Об этом косвенно свидетельствует пресловутый «заговор» Софии, действительный или мнимый, который позволил василевсу секвестрировать эту расходную статью экстраординарного бюджета и направить высвободившиеся деньги в сферы дипломатии и войны.

Отношения Византии и Ирана в то время сохраняли давно сложившийся формат. Столкновения двух держав сводились к очередному проникновению на территорию противника с целью захвата добычи. Для иранской стороны эта цель, по-видимому, являлась основной; императорское правительство, кроме того, преследовало и стратегическую цель – принудить противника к заключению постоянного («вечного») мира, который обеспечивал бы более спокойное экономическое развитие.

Когда Тиберий стал августом, империя по условиям перемирия 576 г. [27, fr. 42] уже дважды заплатила иранскому шаху по 30 000 золотых монет, и весной 579 г. должна была передать третий взнос. Однако смерть Хосрова I в феврале того года и приход к власти в Персии его сына Гормизда IV подвигли Тиберия II к отказу отдать персам условленную сумму и разорвать перемирие. Последующие события 579–582 гг. подтвердили правильность императорского решения, поскольку государственная казна не только сохранила последний взнос в размере более 4 кентинариев золота, но и приобрела в виде добычи от последовавших за возобновлением войны успешных походов дополнительные материальные ресурсы, величина которых не поддается точному расчету¹⁷. Оба эти фактора с лихвой компенсировали дополнительные расходы императора на восточном направлении внешней политики и, вероятно, способствовали сокращению предполагаемого дефицита экстраординарного бюджета на западном направлении. Так как Иран в правление шаха Гормизда IV заметно ослабел в военном отношении, то в окружении Тиберия II всерьез рассматривалась возможность переброски победоносных византийских войск с Востока на наиболее проблемные участки северо-западных рубежей, в частности, – на Средний Дунай, против аваров, угрожавших захватом Сирмия [27, fr. 66]¹⁸. Впрочем, это не более чем предположение. Никакого императорского войска из восточных походных сил защитники осажденного Сирмия не дождались. Захваченные в походах на Иран ценности также не были направлены на укрепление вооруженных сил Фракии и Иллирика. Они, как, вероятно, и не отданные персам в 579 г. золото, едва ли отложились в

государственной сокровищнице на долгий срок. Восток требовал новых дополнительных расходов. Как известно, Тиберий Константин в конце 70-х гг. деятельно восстанавливал прежние военно-политические союзы и стремился создавать новые, не жалея имперского золота и шелка. Так, окрепли ослабевшие было при Юстине II договоренности с племенным объединением гасанидов [10, с. 492]; на свою сторону в противоборстве с Ираном Тиберию удалось привлечь некоторые прежде лояльные шахиншахам этносы Северного Кавказа [27, fr. 44]. Впрочем, дополнительные расходы подобного рода никогда не считались в Византии чрезвычайными. Восточная дипломатия ранней Византии была затратной всегда, однако в правление августа Тиберия Константина перечисленные выше обстоятельства сократили эти, традиционно небольшие расходы¹⁹. Необходимо указать и на участие в поддержании баланса дополнительных доходов и расходов персональных качеств самого Тиберия II, явно добавлявшего рациональности в работу старого финансового механизма государства и стремившегося если не к существенному его обновлению, то, во всяком случае, к более осмысленному, чем при его предшественниках, отношению к известным статьям экстраординарного имперского бюджета²⁰.

Тем не менее на западном и северном внешнеполитических направлениях Ранневизантийское государство в рассматриваемый период теряло в финансовом и экономическом плане больше, чем получало выгоды. Для характеристики финансовой политики Тиберия II здесь показательны взаимоотношения с аварами. Еще в качестве кесаря Тиберий, на которого возложили ответственность за исход переговоров и командование армейскими контингентами, пытался в связи с аварской угрозой воплощать в жизнь ту же организационную модель, которая небезуспешно реализовывалась на Востоке. Он подыскивал союзников против кагана, вербовал среди других варварских народов отряды профессиональных наемников, с аварским правителем затеял эстафету затяжных переговоров и обмена посольствами, уклоняясь от крупных денежных выдач²¹. Но, в отличие от «персидской» практики, опиравшейся на вполне боеспособ-

ную походную армию, на балканском направлении не имелось столь же крупных военных сил и в целом отсутствовала традиционная позднеантичная система их формирования [2, с. 204–206]²². Вместо более удобного и дешевого для государства рекрутирования императорская власть задолго до Тиберия II должна была обратиться здесь к прототипии и привлечению уже готовых боеспособных контингентов извне. Но и прототипия на Балканах не работала фактически с середины VI в., так что деньги для найма вооруженных формирований для Фракии и Иллирии нужно было привлекать из других регионов. Эти инвестиции в оборону балканских провинций, и прежде бывшие в немалой степени экстраординарными, в последней трети VI столетия превысили все регулярные расходы государства на те же цели (к слову, неуклонно уменьшавшиеся по объективным причинам) и, тем не менее, остались относительно невысокими.

Литературные исторические источники приводят данные о несколько более интенсивном, чем на востоке, финансировании переговорного процесса с аварами и другими субъектами политического действия, располагавшимися к северо-западу от Константинополя [35, VI.30–31; 27, fr. 66; 29, III.13]. Эти переговоры были более частыми и продолжительными, так что требовали непрерывного внимания и участия со стороны императора. Однако дипломатия здесь почти полностью заменила остальные виды обеспечения безопасности государства. Поэтому возросшие в правление Тиберия Константина дополнительные затраты такого рода остались незначительными в сравнении с тем, что потребовали бы другие способы разрешения внешнеполитических проблем. Утрируя, можно сказать, что империя сэкономила на традиционных формах оборонного строительства на Балканах и направила полученные в результате этого дополнительные средства на усиление дипломатии. Август Тиберий не считал такую политику правильной, так как совсем недавно, в конце 60-х гг., был руководителем оборонных мероприятий на Балканах, включавших пополнение походной армии каталогами [27, fr. 33]. Но вернуться в прошлое, когда врага на Дунае останавливало не золото, а вооруженные силы, он не смог ни тогда, ни после. Не имел он так-

же возможности и желания тратить на «варварскую» дипломатию дополнительные средства намного большие, чем это было при его предшественниках на троне. Отсюда и пролонгированные с помощью подарков аварским посланникам переговоры с каганом, и обещания выгод всем участникам внешнеполитических событий от франков и лангобардов до тюрок Северного Причерноморья.

О величине дополнительных расходов на западную и северную дипломатию можно судить по некоторым дошедшим до нас сведениям. Так, послы короля франков Хильперика I получили от Тиберия II во время своего визита в Константинополь «много золотых украшений» и золотые монеты весом в фунт [29, III.13]. Франкские посольства того времени были немногочисленными, вследствие чего подаренное Тиберием золото, которое отчасти адресовалось и королю франков, не превышало по весу символического кентинария, тем более что от союза с этим отдаленным народом трудно было ожидать реальной помощи, за которую надлежало платить по известным тарифам (в среднем два-три кентинария в год).

Следовательно, основной финансовой потерей Тиберия на условном Западе следует признать ту сумму денег, которую у него потребовали авары на переговорах 581/582 г. [34, I.3.7]²³. Названное в источнике в связи с этим число кажется внушительным в силу его уникальности: во-первых, количественно оно весьма необычно для практики ранневизантийских субсидий варварским народам, во-вторых, оно являлось всего лишь денежной оценкой неких желаемых аварами вещей. Все это, а также и то обстоятельство, что Феофилакт Симокатта не был ни свидетелем, ни даже современником описанных им событий 581–582 гг., и аваро-византийских переговоров в том числе, позволяет предполагать у него фантазию там, где сюжет повествования требовал определенности и точности фактического материала. Но такого материала, необходимого Феофилакту Симокатте для придания колоритности сюжетной линии и пушей правдоподобности рассказу, могло не существовать в природе, поскольку ранневизантийские дипломатические отношения с аварами к началу 80-х гг. еще не обрели известных традиций, облеченных в четкие литеральные

и нумеральные формы. Прежние известные договоры между каганом и императорами предполагали нерегулярные и не обязательно денежные выплаты [10, с. 477]. Единственным известным и правдоподобным числом, которое характеризует финансовую сторону византийско-аварских отношений, является 800 монет [27, fr. 28]²⁴, предположительно золотых, переданных «эпархом Иллирика» кагану Баяну через посланника. Зная византийскую хитрость, можно увидеть в упомянутых монетах как солиды, так и специально подготовленные казной для подобных случаев облегченные солиды или их фракции [11]. Важно, однако, другое: упомянутое Менандром Протиктором число 800, как и названное им же гипотетическое число 80 000 [27, fr. 65]²⁵, явно заимствованы Феофилактом Симокаттой. Учитывая особенности литературного произведения этого автора, можно вполне уверенно предположить, что он превратил приведенные Менандром в целом случайные числа в окончательную и якобы официально утвержденную сумму регулярного взноса императора аварам. Сумма представляется не вполне правдоподобной не только из-за своей огромности, но также и потому, что не традиционна для аналогичных сюжетов, излагавшихся ранневизантийскими источниками. Кроме того, такая сумма золота физически невозможна в качестве материальной оценки предметов, которые оговаривались аварской стороной, в условиях сжатия товарно-денежных отношений на Балканах в последней четверти VI века.

Очень может быть, что кагану нравилась цифра 8 (передаваемая по-гречески буквой «эта», по форме напоминающей трон), и он затребовал у Константинополя ценностей на сумму, выраженную комбинацией этой цифры и некоторого количества сотен или тысяч. Для византийцев озвученное аварами число, каким бы оно ни было в действительности, не имело особенного значения в силу того, что они должны были предоставлять врагу не золото, а вещи, оцениваемые в солидах. И тут у правительства Тиберия открывался простор для манипуляций уже не с цифрами, а со стоимостями, что существенно уменьшало сумму ежегодного «аварского» взноса. Являлось ли названное условие замирения результатом

специальных усилий посланников Тиберия, или же балканский рынок не предполагал потребности в золоте как таковом, – остается вопросом. Несомненно одно: самой большой потерей августа Тиберия в той сложной международной ситуации были не ежегодные субсидии аварам, а утрата города Сирмия, угрожавшая в будущем новыми потерями. При отсутствии в Иллирии регулярного и не маленького войска стратиотов уступка важной стратегической позиции являлась более значительным событием в финансовой политике, отложенным на неопределенное время, нежели передача весового серебра и шелковых тканей даже на маловероятную сумму 80 000 номисм. К счастью для Тиберия II, авары, усилившиеся после получения Сирмия, довольствовались оговоренными выплатами, которые в максимальном выражении в пересчете на золото составили к концу жизни императора чуть более 22 кентинариев²⁶. В эту сумму следует включать оплату не только мира с опасным противником в отсутствие сильного и дорогостоящего византийского войска в Правобережном Подунавье, но и военных услуг союзника при отражении нападений других варваров. Тем самым, стечение обстоятельств и, безусловно, политические таланты самого Тиберия Константина или членов его правительства, сумевших этими обстоятельствами воспользоваться, обеспечили государству на западном и северном направлениях в общем сравнительно небольшие экстраординарные финансовые затраты.

Для полноты картины финансовой политики в правление августа Тиберия II необходимо рассмотреть и так называемые варварские грабежи византийской территории, конкретно – в префектуре Италия [27, fr. 64]²⁷ и в диоцезе Македония [35, VI.25]²⁸.

В случае с Италией византийское правительство, не имевшее сил противостоять варварской оккупации, попросту отказалось от большей части расходов, которых требовало обладание италийской префектурой. Оно, кажется, предоставило равеннской администрации значительную свободу как в организации обороны, так и экономической и финансовой деятельности, оставив за собой внешнеполитическую стратегию, главным образом – сферу дипломатических сношений с лангобардскими

герцогами и франкскими королями. Основным видом расходов при этом являлся подкуп вождей нескольких наиболее крупных племен лангобардов в Италии, которые после того не переставали грабить местное население, но становились союзниками ромейского режима и участвовали в боевых действиях на стороне императора [27, fr. 64]²⁹. Небольшие по византийским меркам субсидии в несколько сот фунтов не ежегодно, но по необходимости, избавляли Тиберия от дополнительных государственных расходов, так как большая часть «лангобардской» дипломатии оплачивалась из доходов православной церкви и местных землевладельцев³⁰.

Во втором случае имеется в виду более определенное событие – набег склавинов 577/578 г., участники которого, подобно многим до них, отчасти остались в византийских пределах вплоть до конца правления Тиберия II. В ходе упомянутого славянского набега грабежу подверглись, как считается в историографии (например, [14, S. 88]), провинции Македония, Фессалия, Фракия, Нижняя Мёзия и Ахайя; при этом «опустошалась» не только сельская местность, но и «города», не могущие долго выдерживать активную осаду [23, а. 576.4]³¹. Трудно утверждать, присматривали ли славяне себе новые места для расселения³², – независимо от этого их интересовала добыча обычного для полуоседлого варвара ценностного ассортимента, который можно было отнять у византийцев: золото и серебро³³, украшения, железные изделия, скот [35, VI.3.25]³⁴ и, наконец, самих подданных императора в качестве пленников [35, VI.3.25]³⁵.

К сожалению, для точного определения размеров произведенного славянами разорения недостаточно тех косвенных данных, что приводят имеющиеся нарративные источники. Все они пользуются словами «опустошили» (что означает, строго говоря, действия, ведущие к исчезновению где-либо людей и домашних животных) и «ограбили» (то есть отняли движимое имущество), которые создают впечатление полного хозяйственного упадка в районах, глубоко затронутых вторжением. При всем том подробностей не сообщает ни один из древних авторов, а сделанные в последние десятилетия археологические находки не поддаются точной датировке, позво-

ляющей охарактеризовать именно данное вторжение; дошедшие до нас законодательные и эпиграфические памятники вообще молчат о рассматриваемом событии³⁶. Остается домысливать за них, и наиболее разумным объяснением отсутствующих в источниках подробностей славянского нашествия кажется версия об оставленной добыче. Отряды славян, бродившие по Балканам в поисках поживы, были оповещены о нападении на территорию их расселения большой аварской силы в связи с договоренностями с императором; Менандр Протиктор повествует о бедствиях, постигших славянские земли³⁷. Варвары должны были торопиться домой, чтобы остановить аваров, а добыча препятствовала быстрому передвижению. Логично предположить, что от наиболее громоздкой ее части – пленников, рогатого скота и повозок с малочисленными пожитками – славяне отказались, устремившись на родину налегке. Какая-то часть материальных ценностей и людей все же исчезла или была уничтожена, однако многое осталось невредимым. Расчет Тиберия на помощь аваров оказался верным.

Кроме внешнеполитических удач, еще одно событие балканской истории, как представляется, существенно сократило дополнительные расходы Тиберия II. Речь идет об имевшем место в действительности эпизоде [35, VI.30–31]³⁸, который, пройдя обработку фантазией в отдаленных по времени или расстоянию литературных исторических источниках, породил в раннесредневековой традиции тоpos о чудесном обретении василевсом Тиберием кладов, которые помогли ему справиться с финансовыми трудностями и не отказаться от присущей ему щедрости. Между тем Иоанн Эфесский насытил свое краткое сообщение о неудавшемся посольстве Нарсеса большим объемом скрытой информации, которая, будучи корректно истолкованной, способна выступить квинтэссенцией всей финансовой политики Тиберия Константина.

Формально миссия Нарсеса осенью 581 г. [26, р. 930] направлялась для заключения мира с аварским каганом, стоявшим под городом Сирмием. В действительности Нарсес важностью своей фигуры («великий спэфарий государства»), многочисленностью вооруженной ойкии («с немалым войском») и

подарками должен был отвлечь кагана Баяна от начатого императором формирования балканской армии из византийских войсковых вексиляций и разного рода наемников, которых предполагалось набирать из западных варваров, пока Нарсес плыл до ставки кагана. Там, возле Сирмия, во время затянувшихся переговоров, против аваров должна была, по замыслу Тиберия, вступить в действие антиаварская походная группировка; каган оказывался перед угрозой войны с более сильным, чем он предполагал, противником и тем самым вынуждался отказаться от своих непомерных требований. Византийско-аварские отношения возвращались к образцу 570 г., который не требовал крупных денежных субсидий и перманентного содержания во Фракии и Иллирике крупных военных сил, то есть – к экспондии авар.

В свете названных истинных намерений имперского правительства в отношении аваров поездка Нарсеса носила характер отвлекающего маневра. Соответственно, при спафарии не было ни крупных боевых сил, ни значительных денежных средств из государственной казны. Имитировать готовность Тиберия к передаче аварам требуемого ими за мир золота должны были сокровища самого Нарсеса³⁹. И вопрос, возникающий в связи с упоминанием Иоанном Эфесским личного имущества спафария Нарсеса, состоит не в том, с какой целью они оказались на кораблях посольства, а в том, сколько их было и, особенно, – сколько их осталось после гибели в море одного из экспедиционных судов. Точный ответ на него невозможен, однако замечание автора о возвращении «оставшегося после него имущества» дает основание полагать, что государственная казна в лице императора унаследовала после смерти, кажется, одинокого Нарсеса немалую имущественную массу, в том числе – золото, серебро и дорогостоящие одежды, то есть все то, что требовали для себя авары. Поэтому полученная каганом плата за мир 581 или 582 г. включала и финансовые средства покойного великого спафария, что тем самым уменьшило соответствующие дополнительные расходы Византийского государства.

Изложенные в сюжете с сокровищами Нарсеса факты наилучшим образом характеризуют финансовую политику Тиберия II, ко-

торая, как водится, выстраивалась во многом под влиянием личных качеств императора. В нем отчетливо просматриваются рациональность и целеустремленность, владение информацией и практичность, способность жертвовать и одновременно экономность; и, наконец, его главное качество – умение видеть и оценивать реальность, что позволяло этому императору предпринимать такие действия, которые исключали часто приписываемый ему полный неуспех.

Результаты. Итак, анализ финансовой политики августа Тиберия Константина, осуществленный на основе имеющихся источниковых данных, выявил ее особенности, которые позволяют говорить о ней как о вполне самостоятельном явлении в истории ранней Византии, несмотря на краткость единоличного правления Тиберия II.

Важной отличительной особенностью финансовой политики августа Тиберия следует признать сосредоточенность на внешнеполитической сфере. И в этом нельзя винить нарративные источники, освещавшие по давней традиции преимущественно войны и дипломатию императоров. Позднеантичная историографическая традиция к числу главных тем относилась и так называемый народ империи, – политическую активность димов и религиозных партий. И эта «народная» тематика в соображениях авторов времени правления Тиберия Константина освещена очень бледно, в самых общих чертах. Объяснением этому интересному факту служит, на наш взгляд, не отсутствие событий во внутренней жизни страны, достойных внимания и пера историков, а то, что Тиберий, став августом, продолжил проявлять активность в тех областях финансовой политики, к которым был допущен в годы кесарства. Дополнительно сыграла свою роль и карьера Тиберия до интронизации: он, как известно, никогда не обращался к делам, которые выходили за круг военных и придворных.

Став единоличным правителем, Тиберий Константин проявил себя грамотным и расчетливым политиком в сфере экстраординарных финансов, которыми в большей мере и обслуживалась внешняя политика Византии. Вероятно, ординарными финансами император интересовался мало. Более того, есть

основания предполагать, что часть обычных финансовых поступлений в казну перенаправлялись им на нерегулярные расходы в сфере внешней политики и на нужды придворной жизни. К чести Тиберия, он не злоупотреблял нарушениями сложившейся веками финансовой дисциплины государства, всемерно ограничивая неизбежные дополнительные расходы. Благодаря самоконтролю в реализации собственных политических предпочтений и рациональному подходу к расходованию финансовых средств Тиберий II не допустил опустошения казны, что являлось тогда важной характеристикой итогов императорского правления.

К слову, внешние и внутривластные обстоятельства благоприятствовали финансовой политике августа Тиберия. Следует отметить, что и сам император умел увидеть выгоды в самой неблагоприятной обстановке и не упустить имевшиеся благоприятные возможности, укрепляя образ мудрого правителя.

Таким образом, финансовая политика августа Тиберия II представляется сплавом традиционных подходов и неожиданных решений, обусловленных своеобразием личности Тиберия. Этот император заложил основы нового для ранневизантийской финансовой практики подхода, который отрицал четкое разделение ординарного и экстраординарного бюджетов. Такой подход вполне укладывается в русло изменений, которые с недавних пор иногда называют медиевализацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таково одно из распространенных, хотя и не вполне корректных титулований этого императора. По числу носителей имени Тиберий он, конечно, является Вторым после Тиберия I (14–37 гг.), хотя в действительности, будучи наречен Тиберием Константином, был первым и единственным, то есть не претендующим на особый порядковый номер.

² Например, у Эдварда Гиббона: «Всякий раз, когда его подданные страдали от ...общественных бедствий или от неприятельских нашествий, он спешил сложить с них недоимки или уменьшить размер налогов; ...Все в Константинополе были уверены, что император нашел сокровище, однако настоящее его сокровище состояло в благородной бережливости...» [1, с. 134].

³ «Следствием такого безрассудства стало то, что когда на трон взошел Маврикий, он обнаружил

казну пустой, а государство – обанкротившимся. ...Поэтому у нас имеются веские основания сместить Тиберия с его пьедестала».

⁴ Более того, относительно времени проведения некоторых из них встречаются разногласия. Например, такую точно датированную в источнике меру, как снижение налоговой нормы, А. Джонс отнес не к 575, а к 578 г., увязав ее с обретением Тиберием ранга Августа [24, р. 307].

⁵ Расходы, приписываемые кесарю Тиберию, следует рассматривать в контексте финансовой политики императора Юстина II. См.: [7].

⁶ По традиции мы пользуемся не оригинальным текстом «Церковной истории» Иоанна, написанным на сирийском языке в 80-е гг. VI в., а английским переводом дошедшего до нас списка конца VII в. [35], сознавая возможные нежелательные для объективного суждения последствия такого использования и учитывая невозможность иного подхода.

⁷ «Когда он стал царем, и власть оказалась у него одного, он, как гласит предание, увидел своими глазами груды денег, которые собрали Юстин и София, и начал вновь тратить и раздавать их широко и во множестве».

⁸ «...но, наконец, он взял себя в руки и прекратил и дарения, и доступ к нему всякого желающего получить что-либо подобное»; [35, III.14]: «...в первый год после того, как он стал единоличным правителем, он потратил на эти цели не менее 7 200 фунтов золота, кроме серебра, шелковых одежд и других вещей».

⁹ В указанных выше фрагментах «Церковной истории» упоминаются «схоластики, или юристы», «врачи», «серебряных дел мастера», «менялы», «придворные служащие, и деканы, и войска вообще» [35, III.11]; см. также: [35, III.14]: «став василевсом, он отменил налог в 4 дарика, которые царь Юстин наложил на каждое право на получение хлеба при общественной раздаче...».

¹⁰ «Впрочем, он сосредоточил свои благодеяния на богатых...»; об этом же говорит приведенный выше перечень получателей денег.

¹¹ «Любимый император у ИЕ – Тиберий».

¹² «И затем были придворные чины, и деканы, и войска вообще».

¹³ «...груды денег, которые собрали Юстин и София...».

¹⁴ Общую оценку финансовой политики Юстина Младшего см.: [10, с. 541–544].

¹⁵ «...наконец, он взял себя в руки и прекратил как дарения, так и доступ к нему всякого желающего получить что-либо подобное».

¹⁶ «Кроме того, говорят, что... она унесла из дворца несколько сот фунтов золота и поместила его в своем доме; сколько его было, мы не будем

пытаться описывать, так как не знаем правду относительно этого дела, но его количество было весьма велико; и с ним она взяла иное царское имущество».

¹⁷ См., например: [35, VI.27]: «Ромейские войска... бросились в область Арзун, опустошали... и брали в плен по всей области... Все пленные, которые были приведены оттуда, по приказу императора были посланы на остров Кипр...»; [34, III.17.3–4]: «...с наступлением лета, собрав войско, Маврикий предпринял вторжение в Персию..., чтобы разграбить мидийскую землю. Они... опустошили... все плодородные и самые цветущие области Персии...»; [22, V.30]: «Войско Тиберия разбило персов, вернулось победителем и привезло с собой столько добычи, что полагали, что она могла удовлетворить любую человеческую жадность».

¹⁸ «Он отправил для охранения Сирмия полководцев и других военачальников одних через иллирийские области, других – через Далмацию». (Здесь и далее для цитирования использован русскоязычный перевод и ссылка на соответствующие фрагменты из издания: [4]).

¹⁹ О видах и размерах дополнительных затрат ранней Византии «на дипломатию» см.: [12, с. 45–51].

²⁰ О чем свидетельствует, например, упомянутое выше расселение пленных подданных шаха на острове Кипр, где они пополнили податное население и включились в процесс материального производства. Это, как и практика частых грабительских рейдов в Иран, было своеобразным заимствованием у того же Ирана, которое оказалось новым источником дополнительного дохода именно при Тиберии II.

²¹ Например: [35, VI.30].

²² Войска переводились с балканского театра на Восток еще в годы правления Юстина II в связи с тем, что Персидская война расценивалась Константинополем в качестве безусловного приоритета внешней политики вплоть до заключения мирного договора с Ираном в 591 году.

²³ «80 000 золотых ...серебром и разноцветными одеждами».

²⁴ *voic̄smata... oktak̄ob̄ia.*

²⁵ «...до восьмидесяти тысяч золотых». Данный фрагмент чрезвычайно противоречив в информационном плане. В нем перемешана хронология и последовательность событий; вероятно, фраза из этого фрагмента о том, что субсидии аварам «доходили ежегодно до 80 000 золотых, в действительности обращена не в прошлое, где для нее не найдется подтверждений, а в будущее, наступившее после заключения договора 580/581 года. В таком случае названное число тоже выглядит гипотетическим, явившись, тем не менее, первоисточником для Феофилакта Симокатты.

²⁶ Считая, что первый взнос такого рода произвели уже в 581 г., за два года должны были отдать 160 тыс. солидов, что составляло 2 222,22 фунта золота.

²⁷ «Италия почти вся была опустошена лонгивардами». Это, по всей видимости, общая оценка всех предыдущих лет нахождения лангобардов в Италии до интронизации Тиберия Константина.

²⁸ «В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиберия, вышел проклятый народ славяне и прошли всю Элладу, области Фессалоникии и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область, и поселились в ней... как в своей собственной»; см. также [27, fr. 50]: «Эллада была опустошаема склавинами...».

²⁹ «Многие из самых могущественных перешли к римлянам, получив от императора выгоды».

³⁰ Именно так следует интерпретировать следующий фрагмент, датированный периодом кесарства Тиберия Константина [27, fr. 51]: «Кесарь послал в Италию много золота – до тридцати кентинариев, привезенных царским патриkiem Памфронием из Древнего Рима в Царьград».

³¹ «Славяне захватывают во Фракии многие римские города и, разорив, оставляют опустевшими»; см. также [35, VI.3.25]: «Они захватили много городов и крепостей...».

³² Такая версия существовала в советской историографии. См., например: [6, с. 136].

³³ Иоанн Эфесский прямо говорит о наличии их у славян, задержавшихся во Фракии [35, VI.3], а Менандр предполагает, что в славянской земле скопилось «много денег» [27, fr. 50].

³⁴ «...табуны лошадей и другого скота».

³⁵ См. также [27, fr. 65]: «Каган отвечал... что он и прежде в угоду ромейскому василевсу... возвратил свободу многим мириадам римских подданных, бывших в неволе у склавинов» (имеется в виду набег Баяна на славянские земли в 578 г.).

³⁶ Хотя кесарь Тиберий, вскоре ставший августом, прослыл великодушным императором, не оставившим подданных в беде, и потому должен был как-то отреагировать на разорение балканских провинций, если бы таковое действительно было масштабным. Ср.: [18, no. 163.Π], где перечисляются регионы, получившие освобождение от налогов, и среди них особо – провинции Скифия и Нижняя Мёзия.

³⁷ Кстати, об этом он сообщает более подробно, чем о бедствиях, постигших Элладу и Фракию из-за славян [27, fr. 50].

³⁸ «...он послал к ним Нарсеса, великого спадария государства, чтобы... задержать их. Нарсес взял с собой много золота, своего и государственного...».

Славный спафарий Нарсес выехал... с изобилием золота и различными одеждами. Много кораблей было наполнено всяким добром... Один корабль со множеством золота и всего прочего... потонул в первый же день пути. Нарсес узнал об этом, ...впал в мучительную болезнь... и умер. ...Все остальное множество оставшегося после него имущества вернули с трудом».

³⁹ В специальной литературе высказывалось мнение о том, что Нарсес планировал устроить на свои деньги выгодную торговлю с аварами [5, с. 35], что кажется маловероятным в силу отсутствия у варваров коммерчески привлекательных товаров и, вообще, вследствие слабой интенсивности товарно-денежных отношений в таком регионе, как Подунавье последней четверти VI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиббон, Э. Закат и падение Римской империи / Э. Гиббон. – М. : Терра, 1997. – Т. V. – 482 с.
2. Глушанин, Е. П. Военная знать Ранней Византии / Е. П. Глушанин. – Барнаул : День, 1991. – 246 с.
3. Дьяконов, А. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды / А. Дьяконов. – СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1908. – V, 417 с., ил.
4. Менандр Византиец // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с гр. С. Дестунис. – Рязань : Александрия, 2003. – С. 229–348.
5. Пигулевская, Н. В. Авары и славяне в сирийской историографии / Н. В. Пигулевская // Советское востоковедение. – 1941. – Т. II. – С. 27–36.
6. Пигулевская, Н. В. Византия и славяне / Н. В. Пигулевская // Пигулевская, Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне / Н. В. Пигулевская. – Л. : Наука, 1976. – С. 131–148.
7. Серов, В. В. Личная жизнь Юстина Младшего в свете данных нумизматики / В. В. Серов // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / отв. ред. и сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир ; Волгоград : [б. и.], 2011. – С. 179–189.
8. Серов, В. В. Новелла Тиберия Константина об уменьшении налогового бремени / В. В. Серов // Иресиона. Античный мир и его наследие. – 2015. – Вып. IV. – С. 219–226.
9. Серов, В. В. О властных полномочиях кесаря Тиберия Константина / В. В. Серов // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 103–116.
10. Серов, В. В. Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке : дис. ... д-ра ист. наук / Серов Вадим Валентинович. – Тюмень, 2010. – 610 с.
11. Серов, В. В. Фракции ранневизантийского легковесного солида / В. В. Серов // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург – Репино, 18–23 апреля 2011 г.) : тез. докл. и сообщений. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – С. 35–36.
12. Серов, В. В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке (опыт историко-политико-экономического исследования) / В. В. Серов. – Барнаул : Азбука, 2010. – 256 с.
13. Сорочан, С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.) : Очерки истории и культуры / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – 1643 с.
14. Avenarius, A. Die Awaren in Europa / A. Avenarius. – Amsterdam : A. M. Hakkert ; Bratislava : Veda, 1974. – 285 S.
15. Bury, J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Vol. II / J. B. Bury. – London : Macmillan and Co., 1889. – xxiv, 579 p.
16. Cameron, A. The Empress Sophia / A. Cameron // Byzantion. – 1975. – Vol. 45. – P. 5–21.
17. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / rec. I. Reiske. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1829. – LXII, 807 p.; Vol. 2. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1830. – 903 p.
18. Corpus Juris Civilis. T. III. Novellae Justiniani / ed. R. Schöll, G. Kroll. – Berolini : Apud Weidmannos, 1959. – 900 p.
19. Feissel, D. Magnus, Mégas et les curateurs des “maisons divines” de Justin II à Maurice / D. Feissel // Travaux et mémoires. – 1985. – Т. 9. – P. 465–476.
20. Garland, L. Byzantine Empresses : Women and Power in Byzantium, AD 527–1204 / L. Garland. – London ; New York : Routledge, 1999. – 330 p.
21. Goffart, W. Byzantine Policy in the West under Tiberius II and Maurice : The Pretenders Hermenegild and Gundovald / W. Goffart // Traditio. – 1957. – Vol. 13. – P. 73–118.
22. Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X / ed. B. Krusch, W. Levison. – Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1951. – 566 p. – (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum ; T. I, Pars 1).
23. Iohannis Abbatus Biclarensis Chronica. A. DLXVII–DXC / ed. Th. Mommsen // Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. – Berolini : Weidmann, 1894. – P. 207–220. – (Monumenta Germaniae Historica : Auctores antiquissimi ; T. XI).
24. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey / A. H. M. Jones. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1986. – 1518 p.
25. Kaplan, M. Nouvelle de Tibère II sur les “maisons divines” / M. Kaplan // Travaux et mémoires. – 1981. – Т. 8. – P. 237–245.

26. Martindale, J. R. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III : A.D. 527–641 / J. Martindale. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – XLIII, 1575 p.

27. Menandri Protectoris Fragmenta / ed. L. Dindorf // *Historici Graeci minores*. T. II. – Lipsiae : B.G. Teubneri, 1871. – P. 1–131.

28. Métivier, S. *La Cappadoce aux premiers siècles de l'Empire byzantin : Recherche d'histoire provinciale*. Thèse / Sophie Métivier. – Paris, 2001. – 300 p.

29. Pauli Historia Langobardorum / ed. G. Waitz. – Hannover : Hahniani, 1878. – 268 p. – (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi).

30. Rochow, I. *Die Heidenprozesse unter den Kaisern Tiberius II. Konstantinos und Maurikios* / I. Rochow // *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus* / hrsg. von H. Köpstein, F. Winkelmann. – Berlin : Akademie Verlag, 1976. – S. 120–130.

31. Shahîd, I. *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century*. Vol. I / I. Shahîd. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. – 1145 p.

32. Stein, E. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus* / E. Stein. – Stuttgart : J.B. Metzler, 1919. – 170 S.

33. Theophanis Chronographia. Vol. 1 : *Textum graecum continens* / rec. C. de Boor. – Hildesheim : G. Olms, 1980. – VIII, 503 p.

34. Theophylacti Simocattae *Historiarum libri octo* / rec. I. Bekker. – Bonn : Ed. Weber, 1834. – 354 p.

35. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus* / transl. by R. P. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1860. – xiv, 463 p.

36. Trombley, F. R. *The Operational Methods of the Late Roman Army in the Persian War of 572–591* / F. R. Trombley // *The Late Roman Army in the East from Diocletian to the Arab Conquest : Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)* / ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. – Oxford : Archaeopress, 2007. – P. 1–36. – (BAR International Series ; 1717).

37. Turtledove, H. N. *Samaritans, Jews and Pagans during the Reign of Justin II and Tiberius II Constantine* / N. H. Turtledove // *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*. New Series. – 1996–1997. – Vol. 1–2. – P. 162–178.

REFERENCES

1. Gibbon E. *Zakat i padenie Rimskoy imperii* [History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow, Terra Publ., 1997, vol. 5. 482 p.

2. Glushanin E.P. *Voennaya znat Ranney Vizantii* [Military Nobility of the Early Byzantium]. Barnaul, Den Publ., 1991. 246 p.

3. Dyakonov A. *Ioann Efesskiy i ego tserkovno-istoricheskie trudy* [John of Ephesus and His Ecclesiastical History]. Saint Petersburg, Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1908. V, 422 p., ill.

4. Menandr Vizantiets [Menander the Byzantine]. *Vizantiyskie istoriki Deksipp, Evnapiy, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsiy, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiets* [The Byzantine Historians Dexippus, Eunapius, Olympiodorus, Malchus, Peter the Patrician, Menander, Candidus, Nonnosus and Theophanes the Byzantine]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2003, pp. 229–348.

5. Pigulevskaya N.V. *Avary i slavyane v siriyskoy istoriografii* [The Avars and the Slavs in the Syrian Historiography]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], 1941, vol. 2, pp. 27–36.

6. Pigulevskaya N.V. *Vizantiya i slavyane* [Byzantium and the Slavs]. Pigulevskaya N.V. *Blizhniy Vostok, Vizantiya, slavyane* [Near East, Byzantium, the Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 131–148.

7. Serov V.V. *Lichnaya zhizn Yustina Mladshego v svete dannykh numizmatiki* [Private Life of Justin the Second by the Numismatic Data]. Balabanov N.D., Malahov S.N., eds. *Mir Vizantii. Problemy istorii Tserkvi, armii i obshestva* [World of Byzantium. Problems of the History of Church, Army, and Society]. Armavir, Volgograd, s.n., 2011, pp. 179–189.

8. Serov V.V. *Novella Tiberiya Konstantina ob umenshenii nalogovogo bremeni* [The Novel of Tiberius Constantinus About the Tax-Reduction]. *Iresiona. Antichnyy mir i ego nasledie* [Iresiona. Ancient World and Its Heritage], 2015, iss. 4, pp. 219–226.

9. Serov V.V. *O vlastnykh polnomochiyakh kesarya Tiberiya Konstantina* [On the Powers of Tiberius Constantine the Caesar]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 2015, iss. 43, pp. 103–116.

10. Serov V.V. *Finansovaya politika imperatorov Ranney Vizantii v VI veke: dis. ... d-ra ist. nauk* [Financial Policies of the Byzantine Emperors in the 6th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Tyumen, s.n., 2010. 610 p.

11. Serov V.V. *Fraktsii rannevizantiyskogo legkovesnogo solida* [Coin Fractions of the Early-Byzantine Light-Weight Solidi]. *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Sankt-Peterburg – Repino, 18–23 aprelya 2011 g.): tez. dokl. i soobsheniya* [Proceedings of the 16th All-Russian Numismatic Conference (Saint Petersburg, April 18–23, 2011). Abstracts of Reports and Statements]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha, 2011, pp. 35–36.

12. Serov V.V. *Chrezvychaynyy byudzhety Vizantii v VI veke (opyt istoriko-politiko-ekonomicheskogo*

issledovaniya) [Extraordinary Budget of Byzantium in the 6th Century. (Experience of Historical, Political, and Economic Research)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2010. 256 p.

13. Sorochan S.B. *Vizantiyskiy Cherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X v.: Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Cherson from the Second Half of the 6th Century to the First Half of the 10th Century. Essays on History and Culture]. Kharkov, Maydan Publ., 2005. 1643 p.

14. Avenarius A. *Die Awaren in Europa*. Amsterdam, A.M. Hakkert, Bratislava, Veda, 1974. 285 S.

15. Bury J.B. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. Vol. 2. London, Macmillan and Co., 1889. xxiv, 579 p.

16. Cameron A. The Empress Sophia. *Byzantion*, 1975, vol. 45, pp. 5-21.

17. Reiske I., ed. *Constantini Porphyrogeniti imperatori De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*. Vol. 1. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1829. LXII, 807 p.; Vol. 2. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1830. 903 p.

18. Schöll R., Kroll G., eds. *Corpus Juris Civilis*. Vol. 3. *Novellae Justiniani*. Berolini, Apud Weidmannos, 1959. 900 p.

19. Feissel D. Magnus, Mégas et les curateurs des “maisons divines” de Justin II à Maurice. *Travaux et mémoires*, 1985, vol. 9, pp. 465-476.

20. Garland L. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527–1204*. London, New York, Routledge, 1999. 330 p.

21. Goffart W. Byzantine Policy in the West Under Tiberius II and Maurice: The Pretenders Hermenegild and Gundovald. *Traditio*, 1957, vol. 13, pp. 73-118.

22. Krusch B., Levison W., eds. *Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X*. Hannover, Impensis bibliopolii Hahniani, 1951. 566 p. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicarum; vol. 1, pt. 1).

23. Mommsen Th., ed. Iohannis Abbatus Biclarenensis Chronica. A. DLXVII–DXC. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII*. Berolini, Weidmann, 1894, pp. 207-220. (Monumenta Germaniae Historica: Auctores antiquissimi; vol. 11).

24. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1986. 1518 p.

25. Kaplan M. Nouvelle de Tibère II sur les “maisons divines”. *Travaux et mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 237-245.

26. Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III: A.D. 527–641*. Cambridge, University Press, 1992. XLIII, 1575 p.

27. Dindorf L., ed. Menandri Protectoris Fragmenta. *Historici Graeci minores. Vol. II*. Lipsiae, B.G. Teubneri, 1871, pp. 1-131.

28. Métivier S. *La Cappadoce aux premiers siècles de l'Empire byzantin: Recherche d'histoire provinciale*. Thuse. Paris, s.n., 2001. 300 p.

29. Waitz G., ed. *Pauli Historia Langobardorum*. Hannover, Hahniani, 1878. 268 p. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi).

30. Rochow I. Die Heidenprozesse unter den Kaisern Tiberios II. Konstantinos und Maurikios. Köpstein H., Winkelmann F., hrsg. *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus*. Berlin, Akademie Verlag, 1976, S. 120-130.

31. Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. I*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. 1145 p.

32. Stein E. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus*. Stuttgart, J.B. Metzler, 1919. 170 S.

33. Boor C. de, ed. *Theophanis Chronographia. Vol. I: Textum graecum continens*. Hildesheim, G. Olms, 1980. 503 p.

34. Bekker I., ed. *Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo*. Bonn, Ed. Weber, 1834. 354 p.

35. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus*. Oxford, Oxford University Press, 1860. xiv, 463 p.

36. Trombley F.R. The Operational Methods of the Late Roman Army in the Persian War of 572–591. Lewin A.S., Pellegrini P., eds. *The Late Roman Army in the East from Diocletian to the Arab Conquest: Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)*. Oxford, Archaeopress, 2007, pp. 1-36. (BAR International Series; 1717).

37. Turtledove H.N. Samaritans, Jews and Pagans During the Reign of Justin II and Tiberius II Constantine. *Byzantine Studies / Etudes Byzantines. New Series*, 1996–1997, vols. 1–2, pp. 162-178.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Sector of History and Culture, Barnaul Orthodox Seminary, Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, доцент, заведующий сектором истории и культуры Византии, Барнаульская православная духовная семинария, пер. им. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>